

Василий Заботин

**МЕДИЦИНА,
МОСКВА,
ВАГАНЬКОВО**

Москва

2013

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)
312

Заботин В.

312 Медицина, Москва, Ваганьково / Василий Заботин. – М.:
Книга по Требованию, 2013. – 136 с.

ISBN: 978-5-518-93623-2

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение
всей книги или любой ее части воспрещается без письменного
разрешения автора. Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

ISBN: 978-5-518-93623-2

© В. Заботин, 2013
© Lennex Corp., 2013

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	4
Крысанж	5
Взгляд и нечто	13
Карьерный рост или героическая доблесть	19
Благостный сон полковника Псахоновского	27
Чистая любовь местечкового разлива	32
Подмес	40
Двусмысленность	50
Кот Васька	57
Кирпёрд	62
Щи	65
Личная жизнь, судьба и служба	74
Поносник	80
Катя, Катя, Катерина	87
Бумеранг	92
Балалайка и смерть	96
Ондатровая шапка	100
Мама	104
Цветок	114
Москва, Ваганьково	123
Псиная королевского колли Дика	130

От автора

Люди все по Планете Земля в ипостаси своей движутся от жизни – к смерти. Кто – по верхам, а кто – по самому низу, дну: барахтаясь, кувыркаясь и кочевряжась в жизненной сутолоке, суете и прахе. Мечтая хоть чуть-чуть возвыситься...

И круговерть времени уносит все эти, имевшие и имеющие место быть кувыркания, события, прикиды, мечтания и дела – во вселенскую историю всего на Земле сущего. Прославляя, или клеймя позором...

А писатели, поэты и журналисты судьбами своими, как официанты в ресторане, приставлены все это услужливо преподносить и нелюбезно обнаруживать – на потребу и потеху толпе...

И в людском безостановочном по Планете Земля потоке, я прилежно, как тот ресторанный официант, и честно, как некий подвижник, отрабатываю обо всем том свои репортажно-новеллы.

За их непреукрашенный натурализм с пистолетом исподтишка – в упор в спину. И с грядущим контрольным выстрелом в голову...

Именно поэтому в моей земной неподвзятой прозе так много многоточий...

Крысанж

Минифорсмажорное прайз-предисловие

Робким напоминанием о клятве Гиппократа, которую пока еще никто в мире не отменял, написана эта новелла, специально предназначенная не уважаемому населением за бездарность и скверную организационную работу, - Департаменту здравоохранения города Москвы, а также, уже без заискивающих реверансов, с громогласным и открытым презрением к его чиновническо-бюрократической СКИД (симуляции кипучей деятельности) и удручающей неспособностью к предначертанной ему свыше работе, – от московского практического врача с более чем пятидесятичетырехлетним стажем лечебной работы на благо людей, доктора медицинских наук и медицинского профессора Лапшина Василия Петровича.

Что же касается фабулы новеллы, то к ней автор имеет отношение только лишь стороннего пассивного наблюдателя и свидетеля событий.

Мой сын Сережа на деньги, сэкономленные на мороженом, не посоветовавшись со мной, купил в зоомагазине белого крыса из породы Вистар.

Если бы он мне об этом заранее сказал, то я бы ему с работы бесплатно принесла точно такого же. И даже – еще лучше.

Потому что на работе. в нашем медицинском НИИ я заведую виварием....

Я по профессии – ветеринар и в виварии у меня есть собаки, кролики, мыши. И, конечно же, белые крысы линейной чистой породы Вистар.

И вся живность идет на эксперименты: хирургические и лекарственные....

Животные после этого, как правило, долго не живут. А если и позволяют им жить, то только до оговоренного в эксперименте срока. После чего выбраковывают по акту и забивают. А трупы вывозят и подвергают кремации. Потому что для врачебных экспериментов нужны животные чистые, нетронутые человеческой злобой, гонениями и травмой.

В эксперимент идут зверушки только здоровые, а иных мы в виварий не берем.

Я – как и чем только могу облегчаю и скрашиваю доэкспериментальную участь вверенного мне зверья.

Слежу, чтобы кормили их сытно и, по возможности вкусно, согласно деньгам, которые Государство выделяет на их вивсекционную судьбу. И категорически не позволяю никому хоть копейку урвать из их кошта....

В вузовском дипломе у меня записано, что я по профессии – ветеринарный врач, и иногда мне до слез жалко несчастных зверушек, над которыми экспериментируют.

Тут ко мне в виварий ходят два хирурга. Им Ученый Совет нашего института запланировал научно-исследовательскую работу по теме, почти как в работах физиолога академика Павлова, который открыл условные рефлексы.

И хирурги эти, в моих глазах, просто-напросто средневековые инквизиторы....

Но люди ко всему привыкают, а экспериментальному зверью это все, как видно, на роду написано....

Да если бы только это! Что удумали молодые хирургические ученые: оперировать под легким, не выключающим полностью сознание, наркозом. Или даже вовсе без него – под релаксантами. Так, по их замыслу, операционный болевой шок должен в той или иной степени усиливать и усложнять интракорпоральную работу поражающего агента....

У меня у самой, когда я это дело просекла (жаль что не сразу) чуть шок не случился: «Да что это вы себе, доктора, позволяете! Ведь собачонку то бо льно, и не орет он только потому что под релаксантами!»

А они мне: «Да бросьте вы, Клавдия Семеновна! У нас есть План экспериментальной работы. Мы его и придерживаемся. А что до релаксантов, то вы лучше нас знаете, что в вашей ветеринарии животных. когда надо, – усыпляют».

«Погодите, погодите: откуда у вас такие обывательские представления. И при чем тут План научных исследований! Наркоз надо давать по правилам – так как это полагается! А я вижу и слышу, что вы животному наркоз недодаете. Разве так можно! Я пойду жаловаться директору!»

«Да ладно, Клавдия Семеновна, мы больше не будем. Честное комсомольское, Клавдия Семеновна!»....

Побежали к себе в хирургическое отделение и приволокли мне две огромные (из тех, что благодарные больные дарят) коробки шоколадного ассорти и бутылку дорогого французского коньяка.

Прошло две недели, нормальных. если так можно выразиться, операций, и ребята – снова за свое!....

И тогда я действительно побежала на прием к директору : «так, мол, и так»....

Возвышается директор за своим служебным столом – величественный и важный: «А скажите мне, госпожа Коваль-

ская, какой медицинский институт и в каком году вы закончили. ... Ах, никакого медицинского института никогда не кончали! Тогда, извините меня конечно, почему вы суете свой нос в дело не вашей компетенции!». ... И я ушла от него практически ни с чем. А в виварии – все по прежнему: и день также оперируют собак, и два, и четыре, и неделю....

И я снова к директору.

Секретарша на цырлах несет ему кофе: «У директора сегодня для вас не будет времени. Он очень занят (если сильно занят, чего же ты тогда, мыбра, несешь ему кофе) – занятые не дрызгают вместо занятости разные кофея....

«Заходите завтра, и я, может быть, вас пропущу к нему. Но лучше – позвоните по телефону предварительно»....

Я пришла к себе обратно в виварий, а там – разгар операционного дня. А с наркозом – тоже самое: визжит пронзительно собачонок.

Я развернулась, и бегом обратно в приемную директора. Секретарше: «Пропустите! У меня экстренное дело!»

«Сейчас пропустить вас не могу. Подождите пожалуйста. У Зелемхана Усмановича сейчас главный бухгалтер. Как только он выйдет, я сразу о вас доложу».

Через минут двадцать главбух вышел, и я сразу минуя, обалдевшую от такой наглости, секретаршу, – к директору в дверь.

«Я вынуждена, Зелемхан Усманович, я буду жаловаться Президенту Путину!»

«Ну что вы, Клавдия Семеновна! Успокойтесь пожалуйста. Садитесь, прошу вас. Сейчас нам секретарь принесет чая. Что вас так взволновало. Я вас внимательно слушаю».

«У меня дед – Герой Советского Союза, погиб на фронте....».

«Многоуважаемая Клавдия Семеновна! Я готов встать перед светлой памятью вашего деда. У нас на Востоке нет почетнее аксакала, чем Герой Великой Отечественной. Но, все же, давайте ближе к делу».

«Я требую, чтобы за наркозом в виварии следил электроэнцефалограф!»

«Вы абсолютно правы, Клавдия Семеновна. Почему же вы раньше с такой просьбой ко мне не обращались. Проще – простого: я немедленно дам указание моему заму по науке, чтобы завтра же в виварии стоял четырехканальный электроэнцефалограф. Вы довольны?»

И больше вам скажу – сегодня же дам прямо по селектору, указание руководителю Отделения анестезиологии, чтобы с завтрашнего дня в виварии наркозы контролировал анестезиолог. Вы довольны? Ну вот видите, как просто найти взаимопонимание и, так сказать, – консенсус.

Не откажите в любезности, Клавдия Семеновна, принять мое удовлетворение, что у меня работают такие, как вы, высококвалифицированные парамедики. Согласитесь, что знать электроэнцефалографию досконально – это высочайший класс! Я перед вами, Клавдия Семеновна, искренне каюсь: я – профессор и член-корр РАМН, электроэнцефалографию так досконально не знаю. Я, как вы знаете, – хирург. Ну, что, конфликт, я думаю, между нами закончен. Не так ли?»

«Конечно, Зелемхан Усманович. Я вам очень благодарна за животных (Восточный медоточивый хитрец-мудрец) и за виварий».

«Всегда рад вас видеть, Клавдия Семеновна, и скажу Людмиле (секретарше), чтобы непременно пропускала вас ко мне на прием без очереди»....

А Сережка откуда то приволок домой для своего крыса большую попугайскую клетку и водрузил ее на пол в углу комнаты рядом со столом, на котором готовит уроки.

У нас с ним дома (он да я, да мы с тобой) – он единственный мужик. Его отец, мой муж, уже четыре года как, бросил нас и ушел жить к другой, более молодой, женщине....

Но регулярно платит алименты и иногда навещает Сережу. И приносит ему (но не мне) подарки. И дает при этом ценные отцовские мужские советы: каким надо быть и как надо слушаться маму.

А Сережа тем временем приручал и воспитывал своего Крыса.

В ветеринарии существует мнение, что крысы, из-за особенностей своего, если так можно сказать, характера, а точнее – соотношения условной и безусловнорефлекторной деятельности в их центральной нервной системе, очень трудно поддаются настоящей дрессуре. Это еще и предстоит опровергнуть Сереже. Если он, когда вырастет, пойдет по стопам мамы и будет ветеринаром....

А пока Сережа назвал своего питомца Крысанж (где такое имя то выкопал) и запросто берет его в руки, кормит хлебом и крупой, дает пить и выносит с собой во двор дома – гулять.

А точнее – пугать дворовую ребятню и завоевывать, тем самым, себе главенство. И чтобы боялись....

Я, за текучкой дел и событий, не уследила, и Сережа начал это в тихую от меня, проворачивать у себя в школе....

Дело кончилось тем, что он поверг в ужас и истерику – учительницу географии, когда вытащил перед ее носом Крысанжа из глубокого кармана куртки и пустил его гулять по учительскому столу.

Эта дурра, учительница, смертельно испугалась, завизжала как резаная свинья, упала в обморок и описалась....